

Костюрина Н. Ю.

ФАНФИКШН КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Костюрина Н. Ю.

N. Yu. Kosturina

ФАНФИКШН КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

FAN-FICTION AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH IN RUSSIAN HUMANITIES

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии ФБГОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия). E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kosturina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia). E-mail: kosturina@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу степени и характера изученности фанфикшна в современной отечественной науке.

Summary. The article is devoted to the analysis of the extent and types of fan-fiction research in modern Russian science.

Ключевые слова: фанфикшн, фанфик, фанарт, современная культура, российская культура, субкультура, пейринг, жанровая структура.

Keywords: fan-fiction, fan-fic, fan-art, modern culture, Russian culture, subculture, pairing, genre structure.

УДК 82

Фанфикшн как явление современной культуры, несмотря на его масштабы, остаётся почти неизвестным и малоисследованным предметом в отечественной науке: историография темы, по-видимому, включает в себя немногочисленные диссертации и несколько десятков статей. Несмотря на то, что история интереса к фанфикшн в русскоязычной науке насчитывает уже больше десяти лет (а в зарубежной около 30 лет), сам предмет исследования осознаётся авторами настолько экзотическим, что почти каждая статья содержит развёрнутые объяснения ключевых терминов, зачастую так, как они представлены на фанатских площадках или в Википедии.

Наиболее значительными русскоязычными исследованиями фанфикшн остаются на сегодняшний день диссертационные работы К. Прасоловой (2008) и С. Поповой (2009). Важно отметить, что для зарубежных исследователей фанфикшн более значимыми были социологические аспекты темы: особенности личности фаната, история становления фансообществ; собственно литературоведческая проблематика оказывалась на периферии исследовательского интереса. В отечественной науке, напротив, именно лингвисты/переводчики стали «первооткрывателями» фанфикшн, не столько как инокультурного элемента, постепенно укореняющегося на постсоветском пространстве, а как литературного феномена. Интерес исследователей был сосредоточен, в первую очередь, на англоязычных источниках: сайтах, посвящённых творчеству Дж. К. Ролинг, Дж. Р. Р. Толкина.

Сам подход к изучению фанфикшн в отечественном гуманитарном знании опосредован целями и задачами литературоведческого/лингвистического исследования.

Возникновение фанфикшн исследователи связывают с ростом популярности жанра фэнтези, появлением фанатских/субкультурных сообществ, участники которых, во-первых, обсуждали между собой тексты фэнтези и с развитием интернет-технологий перенесли общение из сферы реальной в виртуальную, а во-вторых, стремились создать текст, близкий первоисточнику и полноценно продолжающий/дополняющий его. Есть исследования, где осмысливается и обратный процесс – влияние фанатского творчества на оригинальные произведения; в качестве примера назовём

статью 2015 года Е. Четиной и Е. Ключевой [20], выполненную на кинематографическом материале (сериал «Шерлок»).

Наиболее значимым качеством/свойством фанфикшн становится «вторичность» фанатского творчества, в связи с чем одной из ключевых исследовательских задач оказывается изучение соотношения текста-первоисточника и фанфиков. К. Прасолова, например, видит своей целью «полноценное, непротиворечивое описание фанфикшн как литературного явления», сосредоточивая своё внимание на особенностях стиля «протослова и вторичного текста» [15]. Интересно, что фанфикшн с позиций литературоведения/лингвистики оказывается изначально скомпрометированным, оценивается как явление, «принадлежащее к самым низким проявлениям паралитературы и потому не заслуживающее серьёзного внимания» [15]. Тем не менее определение места и статуса фанфикшн в современном литературном процессе – одна из задач, решение которой актуально для исследователей.

Система жанров фанфикшн – ещё одна популярная проблема в отечественных исследованиях фантекстов. В ряде работ последних лет лишь воспроизводится жанровая структура фанфикшн, представленная в описаниях фанфиков на фансайтах (это, как правило, статьи начинающих исследователей, скорее всего, бывших ранее авторами и/или читателями фанфикшн, а позднее попытавшихся теоретически осмыслить собственные увлечения). Принятая в англоязычном мире социологически ориентированная классификация фанфикшн на основе эмоционального, эстетического, половозрастного, эротического и других компонентов оказывается менее интересна отечественным исследователям, нежели собственно литературоведческая типология. С. Попова, анализируя фанфикшн как литературные произведения, которые размещаются в Интернете и характеризуются «новой формой создания и способом существования вторичных текстов» [14], сосредоточивает своё внимание на жанровой атрибуции фанфиков, их типологии, выделяя четыре группы текстов в зависимости от их соотношения с оригинальным источником: стилизация, перифраз, пародия и вариация (в четвёртую, достаточно неоднородную категорию входит, по сути, всё, что не попало в первые три).

К вопросу жанровой принадлежности фанпрозы обращается и Ю. Антипина [1], по-прежнему фиксируя жанровое разнообразие фанфикшн и отсутствие единой классификации. Стоит отметить, что историю фанфикшн исследователь отсчитывает с 60-х годов XX века, и это самая ранняя хронологическая граница, которая встречается в русскоязычной научной литературе о фанатском творчестве.

В работе Ю. Антипиной 2011 года предмет изучения расширяется от фантекстов до фантворчества (фанфикшн возникает на стыке различных искусств), т.е. потенциально включает в себя и рисованные, и кино- или видеопроизведения, а потому нуждается в разработке адекватной методологии исследования. Также исследователь утверждает, что фанфикшн не может быть рассмотрен вне субкультурных фанатских практик. (Последнее, однако, опровергается традицией именно внеконтекстного изучения фанфикшн в отечественной науке. Представляется, что это в значительной степени оправдано, поскольку в современной Российской культуре фанфикшн в незначительной степени связан с практическими/внесетевыми действиями/деятельностью фанатов и является в первую очередь формой виртуальной/текстовой активности.) Ю. Антипина также считает фанфикшн окололитературным феноменом; не литературой, поскольку «самостоятельность фанфика условна», а фикрайтер пользуется литературными реалиями, созданными авторами первоисточника [1].

В статье Т. Ворониной [6] 2012 года в контексте метафорики пространства также рассматривается понимание авторами жанровых границ, принятых в фанфикшне.

Е. Бурцева [4] в статье 2014 года также обращается к характеристике жанров сетелитературы, включая фанфикшн; самым значимым признаком, определяющим для разграничения сетевой и несетевой литературы, автор считает стандартизацию художественной коммуникации.

Близким к проблеме жанровой структуры фанфикшн можно считать вопрос о пейринге, поскольку в фандомной практике тип/характер взаимоотношений героев оказывается вторым по значимости параметром описания текста после жанровой принадлежности. Так, Е. Каллистрати-

дис (2013 год) изучает англоязычную по происхождению терминологию фанфикшн, адаптируя её к возможностям русской языковой системы, а также дополняет её собственными инновациями для обозначения фанфиков и их различных характеристик (в том числе жанра и тематики фанатского произведения), «основная сюжетная коллизия которых строится вокруг отношений (часто романтического и/или интимного характера) двух персонажей» [11, 82]. Указание на этот параметр присутствует в описании большинства фантекстов и употребляется русскоязычными фанатами в различных ситуациях интернет-коммуникации. Лексические единицы, маркирующие пейринг, объединяет то, что «они образованы от двух основ, как минимум одна из которых представлена усечённым или использованным без изменений, но всегда легко узнаваемым иноязычным антропонимом – именем или фамилией одного или двух героев исходного авторского произведения» [11, 82].

М. Коробко [12], описывая этапы формирования фанона, соотношение канона и фанона, причины и условия популярности того или иного текста в фанатском сообществе, также выделяет в качестве значимого элемента исследования пейринг, в том числе тот, что составляют однополюсные персонажи (жанры: слеш, фемслеш). Пары персонажей, вступающие в отношения в фанфике, условно разделены исследователем на три группы: канонные, фанонные и рандомные. Также М. Коробко исследует формы фандомного творчества как коллективного, интересуют её и функции/роль читательских комментариев в создании фанфика.

М. Черняк (2015 год) поставлен вопрос о гендерной принадлежности читателя и писателя фанфикшн в контексте русского любовного романа конца XX – начала XXI века, который, не имея художественной ценности, является тем не менее «своеобразным слепком эпохи, демонстрирует рождённую в соответствии с гендерными канонами и обыденными стереотипами модель личности нового века» [19, 103], отражает новые представления о социальных ролях современной женщины. Интересно, что, по мнению М. Черняк, любовный роман строится на «принципиально антифеминистских позициях и отражает скорее мужской взгляд на норму женского поведения», может свидетельствовать о «кризисе феминизма в мире» [19, 103].

Ещё один популярный и перспективный исследовательский ракурс – анализ фольклорных/мифологических источников/корней фанфикшн. Например, Т. Васильева [5] с фольклорными традициями, обеспечивающими «узнаваемость», «доступность» текстов, связывает популярность текста канона и фанона ГП (Гарри Поттер): «Именно обращённость ГП к традиционной культуре и обеспечила феноменальный успех произведения». Таким образом, выявление фольклорных архетипов, мотивов (универсальный герой, даритель, помощник, враг/вредитель/дракон, змеборчество, испытание героя, похищение, чудесные предметы/суперспособности) – актуальная задача при изучении оригинальных текстов и фанфикшн. Повторяемость и детальную проработку реалий волшебного мира, обеспечение их многочисленности, повторяемости и приближённости к современным реалиям Т. Васильева считает залогом успеха у массового читателя/зрителя. Фольклорную и/или постфольклорную природу «субкультуры студентов школы чародейства и волшебства» доказывают такие её характеристики, как анонимность, вариативность, особый тип коммуникативного акта.

Н. И. Ефимовой рецепция романов Ролинг также рассматривается на уровне декодирования: 1. сказочно-мифологической традиции, фольклорных корней; 2. английской концептосферы, основных составляющих английской ментальности (к базовым концептам английскости отнесены «дом», «свобода», «приватность», «здоровый смысл», «чувство юмора», «джентльменство», «честная игра», «сдержанность», «традиция»); 3. культурных и бытовых реалий жизни современной Британии. Исследователь ставит вопрос: «Какие именно инокультурные элементы заимствуются и адаптируются российским читателем/зрителем и почему?» [10, 38].

Среди лингвистических аспектов изучения фанфикшн – демография фандома: возраст, пол, образование, профессиональная принадлежность, наличие национальной специфики. Например, Т. Федорова рассматривает фанфикшн как социокультурный феномен, однако многие утверждения следует признать архаичными и, по меньшей мере, спорными, например, характеристику читательской аудитории фанфиков: «Большинство читателей фан(фэн)фиков – тинейджеры». Столь

же странно выглядит воспроизведённая статистика по количеству фандомных текстов, опубликованная ещё К. Прасоловой (2008 год), заведомо устаревшая.

Особо следует отметить замечательное исследование Н. Самутиной (2013 год), удачно сочетающее антропологический/этнографический и филологический подходы к анализу фанфикшн, выстроенное на серьёзной теоретической базе и значительном объёме эмпирического материала (ГП), собранного и систематизированного в течение двух лет «включённого наблюдения». Современный фанфикшн понимается как «обширное, диверсифицированное, многоязычное пространство чтения и письма... поле литературного опыта, полностью выведенное за рамки литературы как индустрии» [17, 137].

Анализ сосредоточен на формах читательской и писательской активности, функции чтения в фанфикшн («общелитературные модусы вовлечённости в текст (узнавание, зачарованность, знание и шок) и дополнительные, характерные именно для фанфикшн (соотнесение с «каноном» и порнографическая функция), обеспечивающие в совокупности повышенную интенсивность, телесность, действенность этого читательского и писательского опыта»), роли читателя и писателя в новых формах литературной Интернет-коммуникации. Н. Самутина характеризует создателей фандомной культуры как «хорошо образованных, технически продвинутых, творческих участников в высшей степени рефлексивной современной коммуникации, включающей в себя весь опыт массовой культуры XX века» [17, 145].

В целом, завершая мини-обзор состояния исследованности фанфикшн в современном российском гуманитарном знании, можно утверждать, что устойчивый исследовательский интерес к явлению фанфикшн сохраняется; преобладающее число работ выполнено в рамках литературоведческого или лингвистического анализа, наиболее актуальные проблемы – осмысление места фанфикшн в современном литературном процессе, жанровая структура, мифологические/фольклорные корни фантекстов. Наиболее часто источниковой базой исследований становятся фандомы по произведениям Толкина и Ролинг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина, Ю. В. Жанровые особенности фанатской прозы (на примере фанфикшн по творчеству братьев Стругацких) / Ю. В. Антипина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 54. – 2011. – № 13 (228). – С. 21-25.
2. Булдакова, Ю. В. Фан-фикшн: научное осмысление маргинального жанра / Ю. В. Булдакова. – *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журнал.* – 2015. – № 7 (20). – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2348>.
3. Бурцева, Е. А. Литературный герой как основная примета литературной эпохи / Е. А. Бурцева // *Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф.*, Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г. – СПб.: Реноме, 2013. – С. 1-6.
4. Бурцева, Е. А. Жанры сетевой литературы / Е. А. Бурцева // *Современные проблемы науки и образования.* – 2014. – № 5. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14665>.
5. Васильева, Н. И. Фольклорные архетипы в современной английской литературе и нарративе «фанфикш» (на материале произведений Дж. К. Ролинг и творчества поклонников ГП): дис. ... канд. филол. наук / Васильева Н. И. – Ниж. Новгород, 2005. – 243 с.
6. Воронина, Т. Метафоры пространства и его освоения в дискурсе авторов фанфикшн-текстов / Т. Воронина // *Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива».* – 2012. – № 2. – С. 61-66.
7. Гаджиев, А. Сетелитература: история, типология и поэтика русской сетевой литературы: тезисы лекций / А. Гаджиев. – Баку: Мутарджим, 2012. – 76 с.
8. Горалик, Л. Как размножаются Малфои. Жанр «фанфик»: потребитель масскультуры в диалоге с медиа-контентом / Л. Горалик // *Новый Мир.* – 2003. – № 12. – С. 131-146.
9. Денисова, А. И. Фанфикшн как субкультура и феномен массовой литературы / А. И. Денисова // *Аналитика культурологии.* – 2012. – № 24. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fanfikshn-kak-subkultura-i-fenomen-massovoy-literatury>.

10. Ефимова, Н. И. Британский культурный мир в современной английской литературе и самостоятельном творчестве русских читателей / Н. И. Ефимова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 5. – С. 34-39.
11. Каллистратидис, Е. В. Лексические инновации с общим значением «текст» в речевых практиках русскоязычной интернет-субкультуры fan fiction / Е. В. Каллистратидис // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (28). – С. 81-84.
12. Коробко, М. А. Соотношение канона и фанона (на материале фандомов «Шерлок», «Мерлин», «Сверхъестественное») / М. А. Коробко // Вестник Брянского государственного университета. Педагогика. Психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. – 2015. – № 2. – С. 254-256.
13. Корчагин, С. С. Транслатологическая специфика локализации экранного текста в телесериале «Шерлок» / С. С. Корчагин, А. К. Кравченко // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: LVI Междунар. науч.-практ. заочная конф. – URL: <http://sibac.info/conf/philolog/lvi>.
14. Попова, С. Н. Лингвостилистика фанфикшн (на материале англоязычных сайтов, посвящённых творчеству Дж. Р. Р. Толкина): дис. ... канд. филол. наук / Попова С. Н. – М., 2009. – URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/lingvostilistika-fanfikshn-na-materiale-anglojazycznych-sajtov-posvjawennyh-tvorchestvu.html>.
15. Прасолова, К. А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века (творчество поклонников Дж.К.Ролинг): дис. ... канд. филол. наук / Прасолова К. А. – Калининград, 2008. – URL: <http://www.dslib.net/literatura-mira/fanfikshn-literaturnyj-fenomen-konca-xx-nachala-xxi-veka.html>.
16. Прасолова, К. А. Слэш: проблемы дефиниции / К. А. Прасолова // Вестник РГУ им. Канта. Вып. 8. Серия «Филологические науки». – Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2008. – С. 100-106.
17. Самутина, Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта / Н. Самутина // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 137-191.
18. Федорова, Т. В. Социокультурный феномен фанфикшн / Т. В. Федорова // Книга в современном мире: проблемы чтения и чтение как проблема: Междунар. науч. конф., посвящённая 150-летию воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И. С. Никитина, Воронеж, 25-27 февр. 2014 г. – Воронеж: ВГУ, 2014. – С. 276-279.
19. Черняк, М. А. «Розовый роман» в контексте современной массовой литературы: тенденции развития жанра / М. А. Черняк // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 101-106.
20. Четина, Е. М. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах / Е. М. Четина, Е. А. Ключикова // Вестник пермского университета. – 2015. – № 3 (31). – С. 95-104.